

А.М. БЕКАРЕВ

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Следует ввести некоторые ограничения в отношении интерпретации понятий. Во-первых, речь пойдет не об этнических корнях российской идентичности, поскольку ясно, что Россия мультиэтнична и прошла не одну стадию ассимиляции. Отсюда и морфологическое разнообразие россиян, в портрете которых удивительным образом сочетаются белокурые волосы и черные усы Печорина. Во-вторых, следует ограничить само представление об идентичности как о «тождестве различного». Ибо «тождество» имеет по меньшей мере три смысла: а) одинаковость (или равенство), подобно песчинкам в песочнице; в то же время это может быть однообразие по ряду признаков или по составу; б) принадлежность к более обширному целому, подобно гражданам государства; в) единство различного в смысле «связности» или скрепляющих «уз», подобно полюсам магнита; либо единство индивидов, осуществляющих общую цель. Мы акцентируем внимание на третьем смысле, понимая его как «узы», которые могут сложиться между друзьями, учителем и учеником, садистом и мазохистом, донором и паразитом.

Надо сказать, что могут быть и другие значения «тождества», хотя даже в перечисленных смыслах можно обнаружить латентные противоречия. Достаточно представить двух человек, претендующих на одно вакантное рабочее место. На первый взгляд они преследуют одну цель, но эта цель не является общей, поскольку ее преследует каждый индивид в противовес другому (конкуренция). Между тем индивиды идентичны по своей потребности занять место и едва ли хотят принадлежать одному целому (организации), а также иметь иные общие «узы».

Основной принцип, из которого мы исходим, это принцип альтернативности. Его можно сформулировать так: скажи мне, кто твой Другой, и я скажу тебе, кто Ты. Что-то подобное есть в суждениях А. Шюца: «Социальный жизненный мир внутри нашего поля действия будем называть сферой непосредственного социального опыта, а субъектов, вклю-

---

Бекарев Адриан Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.Н. Лобачевского (Нижегород).

ченных в него, — Другими. В этой сфере мы находимся вместе с Другими в некотором общем темпоральном пространстве; более того, мы разделяем с ними и определенный сектор в нашем общем поле действия»¹. По аналогии рассуждал и Л. Гумилев, пытаясь дать определение этносу и описывая те трудности, которые связаны с тем, что этнос скорее дан в ощущениях, нежели в понятиях².

Попробуем описать «наше поле действия», используя иной терминологический ряд. Общество как союз всегда содержит в себе матрицу: *я — мы — они*. Это константная социальная связь и трехкомпонентная структура нашего социального опыта. При всех социальных изменениях структура восстанавливается, ибо она составляет основу социальной памяти. В антропологии, однако, принято ограничиваться элементами «Я» и «Мы», где коллектив предшествует «Я» и человек осознает себя личностью не с первых дней своей жизни. Мы думаем иначе и считаем, что личность формируется под воздействием элемента «они» (со страхом уклоняясь или, напротив, с любопытством притягиваясь), но в пространстве «мы».

С другой стороны, общность возникает там и тогда, где и когда индивиды способны осознавать себя в качестве самостоятельных субъектов. Индивиды с бараньим сознанием — невозможные для общности существа. Чтобы идентифицировать себя с «мы», необходимо знать, что есть незнакомцы, чужие и противники («Они»), а для этого следует осознавать свои собственные интересы. Лишь на первый взгляд кажется, что общество есть некий союз индивидов, связанных между собой общими (тождественными) интересами: таковы общества охотников и рыболовов, любителей пива, защиты прав толстых, садоводов-любителей и т.п. На самом деле группа индивидов (каждый из них — актуальное либо потенциальное «Я»), объединенных в некий союз («мы»), еще недостаточное условие *организации* сообщества. Необходим такой компонент, как «они» (в качестве людей это незнакомцы, другие, противники, чужие, враги и т.д.; но в поле «Они» могут быть включены любые факторы, притягательные или отталкивающие, — природные, техногенные, космические).

Разумеется, не всегда можно четко выявить признаки «чужих среди своих». В 1818 г. эскимосы были крайне удивлены, обнаружив, что они не одни на белом свете. Да и мы бы удивились, если б увидели реальных инопланетян. Хотя на уровне мифов, легенд, сказаний и просто фантастических измышлений всегда найдется место «чужакам». Эскимосы лишь

---

¹ Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. II. Вып. 1 (2). М., 2008. С. 74.-75.

² Гумилев Л.Н. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.

подтвердили это правило. Приведем еще один весьма характерный пример, свидетельствующий о константности трехкомпонентной структуры «нашего социального опыта». Есть довольно странный обычай «потлач» в южноамериканском племени *квакиутль*. Обычай чем-то напоминает детскую игру. Племя живет на обочине цивилизации и почти не связано с внешним миром (во всяком случае, так было в прошлом; впрочем, и обычай существовал «от века»). По внутренней структуре племя разделено на две равные фратрии. Причем сделано это, судя по всему, искусственно (родственные, возрастные особенности в расчет не принимаются; важно только, чтобы в обеих частях было равное количество взрослых мужчин). Обычай состоит в актах дарения с периодичностью один раз в полгода. Фратрия в течение полугодия накапливает большое количество подарков, которые она дарит другой половине на особой церемонии. Задача другой фратрии — собрать еще большее количество подарков и попытаться «передарить» первую половину. Суть дела здесь не в бескорыстных устремлениях и доведенном до крайности альтруизме. Хотя, как интерпретирует Э. Гидденс, настоящим мужчиной здесь считается тот, кто готов отдать последнее, что у него есть³.

Возможна и другая интерпретация этого явления, связанная с восстановлением недостающего компонента «они». В окружении племени не было «чужих», и племя их создает из «своих», делая из двух половин соперников. Не останавливаясь на эмоциональном отношении «я» к «они», которое, повторяем, может быть как негативным (страх), так и притягательным (как звезды на небе), заметим лишь, что процесс социализации личности «запускается» как раз при помощи Других. Поначалу в виде «табу», а затем в сторону «тотемов», которые тоже находятся на территории «Они», но уже с большой буквы, уже как светочи.

Для анализа идентификации человека мы делим территорию Других на два сектора: «своих Других» и «чужих Других». Между группами идентификации, которых может быть для одного человека несколько и которые описываются в терминах «мое» (моя мама, мой друг, мой врач или мой учитель), могут быть пересечения, переливы и оппозиции. Но они в социальном опыте индивида так или иначе именуется «Мы», куда часто попадают и те, кто является «своим Другим». На протяжении всей биографии человека доминирует процесс своеобразного перетока индивидов из поля «чужих других» в поле «своих других» (хотя обратный переток тоже осуществляется постоянно, но едва ли является доминирующим). Можно изобразить координатную ось «Я — “чужие Другие”» и вы-

---

³ См.: Гидденс Э. Социология. М., 1999.

делить на ней фрагмент галереи «чужих Других» в виде половинки шкалы Терстоуна, где отрицательные числа натурального ряда отражают степень отдаленности (отчуждения, отстранения) от некоторого центра «Я»:

0   -1   -2   -3   -4   -5

Где: 0 – «другой» (незнакомец); «-1» – «чужой»; «-2» – «соперник»; «-3» – «лишний (конкурент)»; «-4» – «враг»; «-5» – «отверженный».

Точно так же формируется шкала положительных чисел для «своих Других» (от матери и друга вблизи единицы до тотема или Бога в окрестностях «5»).

Способ идентификации, который здесь предлагается, достаточно прост: нужно четко описать портрет выделенных групп. Если четкий портрет не складывается, то есть вероятность, что эта группа Других в социальном опыте «Я» отсутствует. Скажем, мы не в состоянии описать тех, кто является «врагом» для среднестатистического россиянина. В таком случае мы идентифицируем народ или личность с весьма широкой группой населения (вплоть до того, что «Мы – люди», «Мы – земляне», «Мы – все живое», «Мы – обитатели Космоса» и т.д.). Если на отрезке отрицательной шкалы не осталось ни одного элемента, от которого бы отличался данный человек, то возникает явление «всемства» (Ф. М. Достоевский). Конечно, в таком случае человек «как бы» утрачивает свою «самость», неповторимость, уникальность. Но именно «как бы», поскольку он становится человеком-оркестром и его границы расширяются до крайних точек положительной и отрицательной шкал. Индивид находит в себе явные или тайные «следы» как бога, так и дьявола. Чтобы прояснить смысл сказанного, надо представить, что человек является не только частью общности, общества, земной флоры и фауны, космоса, но общности, общества и так далее являются частями человека. Когда человек «втягивает» в свою орбиту разнородную массу природно-социальных явлений, реализуется тот самый внутренний диалог в два голоса и наступает «смерть Другого», о котором писал М. Бахтин⁴. Впрочем, другие остаются, но в «чреве» личности, и явление это не всегда мирное и безобидное, поскольку диалог между индивидом и Другими (своими и чужими) может переасти в конфликт, а «беременность» Другими – привести к нигилизму.

Как раз в контексте нигилизма стоит обратиться к мультикультурным корням российской идентичности и попытаться объяснить такие

---

⁴ См.: Бахтинология: Исследования, переводы, публикации / Сост., ред. К.Г. Исупов. СПб., 1995. С. 103.

необычные явления, как «нигилизм» или «анархизм» (вариант частичного нигилизма). Что касается славянского периода, то наш метод легко применим: чужих Других, особенно врагов, у Руси было достаточно (разве что норвежский король Олаф похвалялся, что дружен с русским князем). В зеркале Чужих русские без затруднений идентифицировали себя по многим вполне определенным параметрам. После монгольского ига возник культурный кентавр. Две культуры – кочевая и оседлая – стали определять границы идентичности. Казачество воплотило эти культуры в непосредственном симбиозе коня, шашки и куреня. Земли открывали, они нужны земледельцам. Но относились к землям небрежно и строили на них убогие избушки. Изобрели контурные карты, в которых отражались не столько имперские настроения, сколько результаты кочевья в пользу землевладения. Между тем трудно примирить Авеля и Каина под одной крышей. Противоположные начала не привели к рождению Гармонии от брака Ареса и Афродиты. Напротив, эти начала стали источником дисгармонии. В душе россиянина спорили между собой бесовское, как неукротимая монгольская лошадь, с божественным и святым. Н. Бердяев как-то заметил, что Россией чаще всего правили иностранцы. Может, потому и правили, что русские в отношении к земле, которой правили, оказались татаро-монголами с их небрежением к этой самой земле и готовностью перекочевать в любой момент времени. Не в силах примирить врагов в своих душах, человек либо «убивал» в себе одного врага, становясь анархистом или монархистом, либо избавлялся от обоих, становясь на позиции нигилизма. И тогда доставалось российской истории, она отрицалась как ценность, и ее пытались забыть. Современный русский, при всех исторических коллизиях, остается нигилистом. Иногда последовательным, иногда одномерным, но нигилистом.